

И. М. Михайлова

ГЛАВА 5
МЕННО ТЕР БРААК
MENNO TER BRAAK
 (1902–1940)

Прозаик, эссеист и журналист Менно тер Браак сыграл огромную роль в истории нидерландской культуры XX века в первую очередь как редактор журнала “Forum” («Форум») и авторитетнейший критик, чье мнение определяло приоритеты в литературе на нидерландском языке в течение нескольких десятилетий. Он знаменит как человек с обостренным чувством моральной ответственности и тонким политическим чутьем, раньше других уловивший опасность нацизма и заплативший за свою антифашистскую деятельность собственной жизнью: сразу после капитуляции Нидерландов, 15 мая 1940 г. он покончил с собой.

Менно тер Браак родился в городке Эйбергене (провинция Гелдерланд) в семье врача. Он с детства отличался незаурядными способностями, развитым интеллектом и многообразием интересов. Полученное Тер Брааком фундаментальное образование (гимназия, а затем обучение в Амстердамском университете по специальностям «история» и «нидерландская словесность») увенчалось в 1929 г. в защитой диссертации на немецком языке о средневековом германском императоре Оттоне III.

В университетские годы Тер Браак в течение двух лет (1924–1925) был редактором старейшего студенческого еженедельника “Progrā Cures” (лат., эквивалентно русскому «не суй нос не в свое дело»), что стало важной ступенью в становлении его как критика. Уже в этом журнале он публикует статьи о кино — тема, которая в ту пору была совсем малоизученной. В 1927 г. он вместе с несколькими университетскими друзьями основал Ни-

дерландскую лигу кино (Nederlandse Filmliga), изучавшую эстетику этого самого молодого вида искусства. Сам он высоко ценил фильмы Фрица Ланга (Fritz Lang, 1890–1976) и Сергея Эйзенштейна (1898–1948), которые видел в Берлине, когда собирал там материал для научной работы. Лига пропагандировала авангардное авторское кино и выступала против отношения к кино как к развлечению. Большое значение придавалось организации показов серьезных кинофильмов в Голландии; Лига долгое время сотрудничала с амстердамским кинотеатром, носившим примечательное название “De Uitkijk” («На страже»). Поскольку большинство фильмов были немыми, во время сеансов Тер Браак сам, как это было принято, играл на фортепьяно, обеспечивая музыкальное сопровождение. В 1928 г. вышла книга М. тер Браака “Cinema militans” (лат. «Воинствующее кино»).

По окончании университета Менно тер Браак несколько лет преподавал историю в школе, но учительство не приносило ему удовлетворения. Параллельно он а) писал эссе, б) сочинял романы, и в) издавал знаменитый журнал «Форум» (1932–1935), обладавший огромным авторитетом, но не приносивший дохода. В 1933 г., вскоре после женитьбы на Ант Фабер (Ant Faber, 1905–1997), М. тер Браак смог оставить нелюбимую работу в школе, так как был принят на должность редактора отдела литературы и искусства процветающей гаагской газеты “Het Vaderland” («Отечество»), где и проработал до самой смерти.

В области эссеистики его первым важным произведением стала книга «Карнавал бюргеров» (“Het carnaval der burgers”, 1930). Это обширное, насчитывающее 270 страниц эссе по социальной психологии основано на противопоставлении *поэт* — *бюргер*, которое автор заимствовал у глубоко почитаемой им писательницы

Менно тер Браак с женой Ант на площади Св. Марка в Венеции. 1930-е гг.

Карри ван Брюххен (Carru van Bruggen, 1881–1932). В эссе прослеживается несомненное влияние Ницше, который был кумиром Тер Браака в студенческие годы. Вслед за Ницше Тер Браак ставит под сомнение базовые принципы существующих норм морали, религии, культуры и общественно-политических отношений. В методе рассуждения, в логических построениях заметно также воздействие Гегеля. Приобщившись в молодости к немецкой истории и культуре, Тер Браак всегда ориентировался на них в большей мере, чем на англо-саксонский или романский мир.

Эссе «Карнавал бюргеров» состоит из семи частей: I. Мы, участники карнавала; II. Карнавал детей; III. Карнавал влюбленных; IV. Карнавал верующих; V. Карнавал бюргеров; VI. Карнавал поэтов; VII. Карнавальная мораль. Основная идея состоит в том, что взросление ребенка и вхождение его в социум сопровождается подавлением его естественной свободы и привитием общепринятых форм существования, так что даже в переломные моменты человеческой жизни, такие как любовь и смерть, огромное большинство обывателей не выходят за пределы установленных обществом рамок, продолжая играть предписанную роль в карнавальном действии: любовь они облачают в форму брака, а естественный страх перед смертью преодолевают с помощью религии. Для поэтов таких рамок нет, они сохраняют живость духа, творческую силу и не нуждаются в условностях. Важная мысль эссе: поэт и бюргер не могут друг без друга, одна крайность существует лишь благодаря наличию другой, в социуме обязательно должны быть «правила игры».

Другой значимой книгой в этом жанре стало «Прощание со страной пасторов» (“Afscheid van domineesland”, 1931), в которой Тер Браак едко и остроумно демонстрирует безжизненность уже давным-давно задеревеневших форм духовной жизни в Нидерландах.

В самом начале 1930-х гг. он пишет свои единственные два романа, которые, как принято считать, уступают его эссе по яркости и оригинальности. Первый из них — «Хэмптон-Корт» (“Hampton Court”, 1931) — рассказ о страхах и сомнениях главного героя Андреаса Лана, которые охватили его во время пребывания в Англии, в Хэмптон-Корте. Его сомнения в осмысленности отношений с Элине, его невестой, так сильны, что по возвращении в Нидерланды он разрывает помолвку. Впоследствии выясняется, что это

был неправильный шаг, но пути назад нет. Большое место в романе занимают разговоры Андреаса с Отто ван Хафтенем, его университетским приятелем и циничным спорщиком, в дискуссиях с которым далеко не всегда побеждает истина. Роман разрабатывает множество экзистенциалистских тем, таких как одиночество, отчуждение, отказ от поверхностного гуманизма. Исследователи прозы Тер Браака (начиная с поэта-«пятидесятника» Паула Роденко / Paul Rodenko, 1920–1976) обнаруживают большое сходство «Хэмптон-Корта» с «Тошной» Сартра, написанной через семь лет. Видимо, Менно тер Браак сумел уловить носившиеся в воздухе идеи.

Второй роман — «Доктор Дюмэ проигрывает» (“Dr. Dumaу verliest”, 1933) — носит в значительной мере автобиографический характер. Главный герой — учитель классических языков, холостяк, боящийся реальной жизни и каких-либо изменений. Обеспечить дисциплину в классе ему удастся намного лучше, чем разобратся в собственной личной жизни.

Между тем в 1930 г. Менно тер Браак знакомится с Эдгаром дю Перроном (E. du Perron, 1899–1940), писателем, выросшим в Нидерландской Индии, а после переезда в Европу окунувшимся в европейский модернизм (см. обзорную главу этой Части). Между Тер Брааком и Дю Перроном сложилась дружба, значение которой для нидерландской литературы всего XX в. невозможно переоценить. Пылкий нрав Дю Перрона и острый критический ум Тер Браака хорошо дополняли друг друга. Их дружба продолжалась ровно десять лет, с 1930 по 1940 г.: как уже было сказано, Дю Перрон умер от сердечного приступа за несколько часов до самоубийства Тер Браака. За эти годы они написали друг другу примерно 1200 писем, в которых обменивались мыслями о литературе, политике, философии (последнее издание их переписки — 2009 г.). Но важнейшим продуктом их взаимодействия стал журнал «Форум».

Поскольку в обзорной главе уже рассказывалось об основных литературных и гуманистических принципах редакторов «Форума», а также о выдающемся значении журнала для нидерландской литературы нескольких десятилетий, здесь приведем лишь несколько цитат из его программы, напечатанной на стр. 1–3 самого первого номера (январь 1932) и сформулированной, судя по стилю, Менно тер Брааком, хоть и подписанной всеми троими соредакторами. Целиком эту программу можно прочитать на сайте DBNL, где все 48 номеров журнала, насчитывающие в сумме

около пяти тысяч страниц, доступны в полном объеме. В переводе подчеркнуты те слова и фразы, в которых заключена самая суть замысла Менно тер Браака.

Журнал, который мы представляем читателю, ставит целью объединить поколение писателей, которым сейчас около 30 лет. Мы хотим предоставить доступ на этот Форум всем витальным элементам среди молодых авторов (причем слово «молодые» мы трактуем не догматично, отодвигая границы этого понятия и вниз, и вверх). Считая это самым главным в нашей программе, мы обозначим лишь некоторые ориентиры, чтобы показать, что не просто случайность свела нас вместе. <...> [В последние годы] поэзию часто отрывали от всех прочих земных явлений, так что она порой становилась похожа на некий эзотерический культ. <...> Поймите нас правильно, мы не выступаем ни за поэзию, ни против поэзии, но мы категорически возражаем против обожествления формы («магии творчества», как это называют в Нидерландах <...>) в ущерб творческому человеку; мы защищаем ту точку зрения, что первый и последний критерий в оценке художника — это его личность. Какие бы чудеса ни происходили во время творческого процесса, нас они интересуют лишь в том случае, если в произведении заявляет о себе личность художника. <...> В наше время, когда центр тяжести неоправданно сместился в сторону «чистой поэзии», мы надеемся, следуя этому принципу и почтительно салютуя Мультатули, восстановить нарушенное равновесие. При этом мы хотим реализовать остававшееся до сих пор платоническим желание двух литератур, фламандской и северно-нидерландской, слиться воедино и перейти к практическому сотрудничеству. <...> Мы хотим, чтобы на нашем Форуме встретились яркие личности из Фландрии и Нидерландов, которые пишут, движимые родственным мироощущением. Хотя для нас отправным пунктом служит литература, мы не собираемся ограничиваться словесностью в узком смысле слова; если окажется нужным, мы перешагнем границы. Мы прежде всего постараемся быть «хорошими европейцами» в том смысле, в каком это понимал Ницше. <...> Мы будем полемичны, если полемика представится нам полезной. Полемика для нас неотделима от определения границ личности...

Четыре года спустя было объявлено о закрытии журнала, так как редакторы сочли, что он уже выполнил свою задачу. Менно тер Браак сравнивал «Форум» с журналом поэтов-«восьмидесятников» “De Nieuwe Gids”, который также возник в тот момент, когда в воздухе носились новые идеи и ощущалась потребность

их формулировать в печатном органе. Когда эта потребность опала, лучше закрыть журнал, чем издавать его, как Виллем Клос “De Nieuwe Gids”, только по инерции. О закрытии журнала редакция предупредила читателей в ноябрьском номере за 1935 г., а в декабрьском, самом последнем, М. тер Браак в статье “Fagewell to Arms” («Прощай, оружие») подводит окончательные итоги и смотрит в будущее, — впрочем, не без иронии:

Возможно, какой-нибудь историк литературы обнаружит, что мы добились успехов, которые можно сравнить с успехами журнала «Де Ниуве Хидс»... ибо они точно так же были нужны и точно так же мало что изменили в общем облике нидерландской литературы. Для Мультатули положительным результатом было то, что он добился зари свободомыслия; Восьмидесятники добились всеобщего умиления перед красотой, «Форум», пожалуй, — «торжества здравого смысла» <...> От прощания с журналом остается горьковатый привкус утраты, но для тех, кто сменяет старое оружие на новое, так как старое уже отслужило свой срок, чувство утраты будет слабее, чем яркость воспоминания о «днях борьбы», которое станет стимулом для будущих битв.

В своих литературно-критических статьях, опубликованных в «Форуме» и в газете “Het Vaderland”, Тер Браак с его парадоксальным мышлением принципиально отказывается от каких бы то ни было литературоведческих принципов, так как больше всего остерегается догматизма. Он доверяет только собственному «инстинкту», т. е. интуиции, которая на самом деле развилась благодаря уникальной эрудиции писателя. В своей еженедельной рубрике “Kronieken” (Хроника) в газете “Het Vaderland” он обычно рецензировал сразу по несколько книг, вышедших в последнее время, — и новые произведения, и переиздания старых. Он сопоставлял их друг с другом и рассматривал в широком культурном контексте, и это удавалось ему несравненно лучше, чем другим критикам, благодаря блестящему знанию немецкой, французской, английской литературы, европейской истории и философии. Он писал рецензии также на культурно-философские сочинения, в частности, Шпенглера и Хейзинги. В его семитомном собрании сочинений литературно-критические статьи занимают три тома. О Тер Брааке как критике с глубоким уважением отзывался Томас Манн: «Я часто вспоминаю его рецензию на “Лотту в Веймаре” в “Het Vaderland”, лучшую из всех, посвященных этой книге, насколько могу судить, исполненную

проницательности и симпатии, образец творческой критики», — писал он в статье “In memoïam Menno ter Braak” в газете «Het Raool» 29 июля 1945 г.

Между тем, по мере распространения в Европе нацистских идей и после прихода в 1933 г. Гитлера к власти, Тер Браак остро осознал необходимость объединения демократических сил, чтобы противостоять опасности. 30 июня 1936 г. в газете “Het Vaderland” было напечатано сообщение о создании Комитета Бдительности анти-национал-социалистической интеллигенции (Comité van waakzaamheid van anti-nat.-socialistische intellectueelen), с подзаголовком «Защита духовной свободы» (“Verdediging der geestelijke vrijheid”). Необходимость создания такого комитета автор сообщения объяснял тем, что «распространяющееся национал-социалистическое движение становится все более серьезной угрозой и для нашей страны». Поэтому «группа представителей нидерландской интеллигенции (ученые, деятели искусства, врачи, адвокаты, инженеры, учителя и т. п.) последовали инициативе своих французских, бельгийских и английских коллег» и подписали заявление о решимости бороться против «национал-социализма и прочих аналогичных группировок, которые несут серьезную опасность свободе научных исследований и выражения мнений, а тем самым и развитию общества, культуры и науки». Ниже перечислялись имена членов комитета: около 75 человек, среди них, кроме Тер Браака и Дю Перрона, историки Ян и Анни Ромейн, поэты и писатели Х. Роланд Холст, С. Вестдейк, Ян Гресхоф, лингвист Де Воойс.

Анализу социокультурных и психологических причин быстрого распространения национал-социализма посвящена работа Тер Браака «О новых и старых христианах» (“Van oude en nieuwe christenen”, 1937), его идеи о необходимости и возможности оставаться оригинальной самобытной личностью именно в данный момент истории изложены в эссе «Новая элита» (“De nieuwe elite”, 1939).

Менно тер Браак, всегда ощущавший свою причастность к немецкой литературе, после 1933 г. старался помогать немецким писателям, эмигрировавшим из гитлеровской Германии. Он писал рецензии на их произведения (правда, нередко отрицательные) и способствовал изданию их произведений в нидерландских издательствах. Об этом говорит в процитированной выше статье Томас Манн, фрагментами из которой мы и завершим рассказ о Менно тер Брааке:

Именно из-за своей интеллектуальной и моральной бескомпромиссности, этой максималистской “honnéteté” [честности] (употребим любимое выражение Ницше) и погиб Тер Браак. Грязный поток нацизма, который разлился в 1940 г. по его цивилизованной стране, был для него физически невыносим. Тер Браак, называвший себя «политиком без партии», на самом деле был активным борцом за человеческое достоинство против варварства, за духовную чистоту против лжи, — против всего того, что связано с насилием, со стремлением к порабощению человека. Он не захотел пережить триумф лжи и варварства в своей стране. <...>

Голландская литература понесла в последние годы тяжелые потери. Ушел из жизни великий Хейзинга, чей трактат об Эразме Роттердамском я сейчас здесь читаю, ушли в высшей степени талантливый писатель Дю Перрон и поэт Марсман, нельзя забыть и замечательного издателя, которому мы, немецкие эмигранты, стольким обязаны.¹ Но почему уход из жизни именно Тер Браака кажется мне самой горькой утратой? Потому лишь, что он был мне ближе всех? Нет, не только, — но потому, что яркие, творческие критики встречаются намного реже, чем настоящие поэты, а в наше время они еще более необходимы, чем поэты. Наше время нуждается в таких умах и душах, как у Тер Браака: неподкупных, страстных и чутких, таких, которые свободно ориентируются в прошлом и при этом обращены в будущее.

Что же это за мир, если подобные люди решают покинуть его! Давайте чтить их память, и стараться в меру своих сил сделать так, чтобы для людей, которые ценят моральную красоту, мир не был бы столь невыносим!»

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Каковы были сферы интересов Менно тер Браака?
2. Ознакомьтесь с сайтом Фонда Менно тер Браака (Stichting Menno ter Braak). Какие материалы представлены на этом сайте? Что вы скажете о почерке Менно тер Браака?
3. Чем замечателен журнал «Форум», издававшийся Менно тер Брааком?
4. Какова была позиция Менно тер Браака в дискуссии «voigt — vent» и чем это объясняется? Разделяете ли вы его позицию?
5. Какие черты личности М. тер Браака отмечает Томас Манн в своей статье?

¹ Имеется в виду, очевидно, погивший в 1944 г. в концлагере Берген-Белзен Вальтер Ландауэр, работавший в амстердамском издательстве “Verlag Al-lert de Lange”, которое с 1933 по 1940 г. издавало книги немецких писателей.

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

*Из книги***ПОЛИТИК БЕЗ ПАРТИИ /
POLITICUS ZONDER PARTIJ**

Глава IV

Моему псу Лелану

Я многим обязан моей собаке, моему четвероногому другу. Мы знаем друг друга почти восемь лет, и при нашей первой встрече я был серьезным высокодуховным человеком. С тех пор мы стали намного ближе, потому что он так и остался собакой, а я перестал быть высокодуховным. Гуляя с ним, я узнал от него две важные вещи: во-первых, что как представители животных видов мы бесконечно далеки друг от друга, и, во-вторых, что это различие бесконечно ничтожно с точки зрения сущности жизни. Я никогда не был «другом животных» в том смысле, в каком об этом говорят англичане, потому что любое произвольно взятое животное волнует меня не больше, чем любой произвольно взятый человек, но я дружу с моей собакой, потому что мы знаем друг друга. Для этого не нужна никакой грамматики, или, точнее, грамматика была бы здесь по определению обречена на провал, так как разбилась бы об антифилософскую позицию моей собаки относительно проблемы познания. На свете нет ни одной интеллектуальной проблемы, которая волновала бы нас обоих, мы даже не знаем, что именно каждый из нас думает о нашей дружбе, ибо мой пес вообще не думает в тех категориях, в каких думаю я, а я не способен представить себе его внутреннюю жизнь иначе как строя смехотворные аналогии; но удивительно: когда он умрет, мне будет его недоставать больше, чем многих знакомых из числа людей. Идти на сближение должен был я; с его стороны эта дружба во всей ее бесхитростности возникла уже после первого наказания и первой ласки; а мне, чтобы оценить ее в полной мере, потребовалось пройти некий путь развития и преодолеть собственные предубеждения, говорившие мне, что своих тетушек и дядюшек я обязан ставить выше, чем моего пса. Пожалуй, с тех пор, как мы с ним познакомились, все мои дружеские отношения с людьми тоже приобрели свойства дружбы с собакой; теперь уже не осталось принципиальной разницы между тем, как я люблю свою собаку и своих лучших друзей, зато есть огромная разница между такой дружбой и тем вежливым безразличием, с которым я смотрю на всевозможных «знакомых». Дружба, как мне объяснила моя собака (не прибегая для этого к грамматике), — это нечто очень простое и зависит в большей мере от того, насколько вам приятно общество

другого существа, чем от духовного родства. Можно сказать еще конкретнее: духовное родство играет настолько второстепенную роль, что приносит радость лишь в том случае, если тела говорят друг другу «да». Соответственно, нашими друзьями становятся не те, с кем мы спорим, а те, кому мы уже заранее сказали «да»; все прочее, все разговоры, все разногласия, поиски решений и консенсусов, — все вторично... Этот полученный мною урок я приписываю моему псу именно потому, что знаю, что он никогда ничего подобного не «думал»; в том-то и состоит прелесть всякой настоящей дружбы, что «мысли» друга можно считать чем-то второстепенным; что до меня, то друзьям, по-моему, думать вообще не надо, ведь всякий друг — все равно что пес — если только его *modus vivendi* мне близок и если я точно знаю, что он не воображает себя тем, чем не является. Поэтому я разговариваю с Леланом и думаю о нем, хотя он не способен мне ответить ни словами, ни мыслями (в моих категориях); я охотнее всего говорю ему всякую ерунду и в приступе сентиментальности порой думаю, что он мне «верен», но в другое время, чтобы общаться с ним по-дружески, мне не требуется даже это абстрактное прилагательное «верный». Сентиментальность, как вы видите, подталкивает к использованию грамматики, так что тот, кто убежден или не убежден в «верности своей собаки», фактически размышляет о слове, которое он сам же и выдумал, и, следовательно, у него имеется ровно столько же оснований быть или не быть убежденным в «верности» своей супруги; если «верность» собаки (как утверждает зоопсихолог фон Укскуль) основывается на привязанности к определенному запаху, то в случае с супругой ситуация, наверное, примерно та же; но, к счастью, у нас есть еще «дух» и «высокое», чтобы не ставить супругу на одну доску с собакой...

Какое останется различие между мной и собакой, если исключить предрассудок насчет духа? Как виды животных мы, действительно, колоссально отличаемся друг от друга, и никакая дружба не может уничтожить это различие; в некоторых смыслах мы различаемся даже больше, чем Стефан Георг и чернорабочий; но о более «высокой» или более «низкой организации» я не решаюсь говорить, потому «высокодуховные» джентльмены только об этом и толкуют. Нередко цитируемый профессор Бейтендейк заявляет, что «поиски аналогий между животным и человеческим состоянием всегда носят поверхностный характер уже потому, что животными руководят инстинкты, а человеком — разнообразная высокоорганизованная деятельность человеческой личности». («Психология животных»). Я бы согласился с ним, если бы мне разрешили заменить слово «высокоорганизованная» словами «выдаваемая грамматикой за более сложную»; однако в силу того, что

профессор со всей авторитетностью добавляет, что «оба явления в принципе можно понять, только рассматривая их с высших философских позиций», я подозреваю, что он точно так же «в принципе» не согласится принять мое уточнение; ибо представление о «высшем» для этого ученого во всех случаях жизни является лекарством от сомнения. В отношении грамматических заковык зоопсихология столь же наивна, как и, при всей его гениальности, Дарвин, у которого между строк прочитывается то же почтение к библейскому «высшему началу» в человеке: “there can be no doubt that the difference between the mind of the lowest man and that of the highest animal is immense” (“The Descent of Man”)¹. «Нет сомнения»... Вот тут-то у нас и возникает загвоздка! Как всякий другой гений науки, Дарвин готов совершить самоубийство на алтаре грамматики; подобно тому, как Фрейд не мог успокоиться до тех пор, пока не сумел примирить свое представление о «бессознательном» с устоявшейся системой форм сознания, так и Дарвин не мог простить себе этого грубо-гениального покушения на человеческое достоинство, пока не даровал своему человеку его исключительную моральную позицию в обмен на утраченную историю Творения.

(1934)

(Пер. И. Михайловой)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Против чего направлен полемический задор Менно тер Браака в этой статье?
2. Насколько он серьезен в своих рассуждениях?
3. Говорит ли вам что-нибудь имя его собаки?
4. Как вы можете охарактеризовать метод рассуждений автора?

Uit Het Vaderland (20 November 1935)

**LEF NIKOLAJEWITSJ TOLSTOI —
DE KUNSTENAAR EN DE APOSTEL**

Zijn dood op 20 November 1910

MEN HERDENKT heden den sterfdag van den grooten Russischen schrijver *Leo Tolstoi*, die 20 Nov. 1910 overleed, na een leven van felle contrasten en innerlijken strijd.

¹ «Нет сомнения, что различие между сознанием низшего человека и высшего животного огромно». («Происхождение человека») (англ.).

Tolstoi: hoewel zijn werken nog gelezen worden, hoewel in Rusland, op zijn landgoed Jasnaja Poljana, een museum is opgericht, dat zijn nagedachtenis eert, is het probleem, waarvan hij eens ook in West-Europa de belichaming was, thans op den achtergrond gedrongen door andere problemen. Er was een tijd, dat pro of contra Tolstoi een levensbeschouwing beteekende, en die tijd is voorbij. De theoretische Tolstoi, de wereldhervormer, de voortzetter van Jean Jacques Rousseau, is een historische figuur geworden; de omkeer in zijn leven wordt door zijn biographen psychologisch doorlicht en met andere oogen gezien dan door zijn aanhangers aan het eind der negentiende en in het begin der twintigste eeuw. Niet zonder reden is het thans veeleer Dostojevski, die de profeet genoemd wordt; en zelfs Dostojevski's 'reactionnaire' gezindheid inzake Christendom en politiek staat dichter bij ons dan het probleem, waaraan Tolstoi onbevredigd ten gronde is gegaan. <...>

...Hij blijft, ook in zijn nieuwe levensperiode, de landheer van Jasnaja Poljana, merkwaardige en paradoxale situatie; Tolstoi is ondanks al zijn theorieën geen martelaar geworden en het Russische gouvernement heeft zich wel gehoed van hem een martelaar te maken. Zoo komt er in zijn leven onwillekeurig een theatraal element, dat hem belet arm en eenzaam te zijn, zooals hij dat om der wille van zijn evangelische leer zou willen eischen. Bekend genoeg zijn de afschuwelijke conflicten met zijn vrouw en andere familieleden, waartoe de omkeer in Tolstois leven geleid heeft, wel *moest* leiden; en ook in dit opzicht doet de tijd zich gevoelen, dat wij thans geneigd zijn milder te denken over de tegenpartij, Tolstoi's vrouw zelfs vaak gelijk te geven in haar al te menschelijk verzet. Wat wij aan intieme details sedert Tolstoi's dood te weten zijn gekomen, pleit vaak tegen de eens zoo vurig verdedigde leer, waarvan het nadeel is, dat de instincten er door in discrediet worden gebracht, dat gevoelens en reactie een schoonen naam krijgen, dien zij niet altijd verdienen. De doctrinair in Tolstoi heeft zich naar boven gewerkt en de overwinning behaald ten koste van het vrije, spontane leven der zinnen, waaraan de doctrinair overigens waarschijnlijk bezweken zou zijn, als hij ze niet gewelddadig had gekanaliseerd in de theoretische, evangelische bedding der geweldloosheid en der sexueele onthouding. <...>

Maar met dat al is de nieuwe leer voor Tolstoi geen bevrijding gebleken; de bijna anonieme vlucht uit zijn huis in October 1910, onmiddellijk voorafgaand aan zijn dood, op het station Astapowo, dien men thans herdenkt, heeft men dikwijls (terecht of ten onrechte) beschouwd als een symbool van dien duren onvrede. François Porché in zijn pas verschenen werk 'Portrait psychologique de Tolstoi' zegt over dit troebele einde van den geplaagden denker, die voor het denken eigenlijk niet geschapen was: 'De opvatting, die lang

è?

gebruikelijk was, als zou Tolstoi zijn afgereisd om te breken met een leven, dat in conflict kwam met zijn leer, is valsch... laten wij ons aan de werkelijkheid houden: Tolstoi heeft op geen enkel moment den cirkel gebroken, die hem omsloot; de geschiedenis van zijn laatste dagen is zelfs niet die van een mislukte ontsnapping, maar die van een uitstapje in gezelschap, zonder systeem, onzeker van het moment van vertrek af..’ Of dit wreede oordeel van een zeer sceptisch biograaf juist is? Hoe het ook zij, de ‘histoire intime’ is meestal niet gunstig voor den asceet en apostel Tolstoi; en daarom is het steeds weer zijn kunstenaarschap, dat onze aandacht trekt, in de eerste plaats om de rijke vruchten, die het heeft afgeworpen, maar ook om den sleutel die het biedt bij de beoordeeling van Tolstois optreden als boetprediker der menschheid. Het eene is niet los te denken van het andere. En wanneer wij Tolstois beteekenis als denker in den loop der jaren steeds meer tot een historisch phaenomeen hebben zien verbleeken, dan is er ook steeds het kunstenaarschap van ‘Oorlog en Vrede’, dat het pleit wint. Men heeft zijn levensbeschouwing te veelomvattend genoemd om onder te worden gebracht bij een van die groepsnamen: narodnik, socialist, anarchist, omdat die namen geen van alle voldoende het alles beheerschende ethische moment kennen, dat voor Tolstoi zoo kenmerkend is; maar zijn kunst, zeer positief gericht op de werkelijkheid in het beeld, blijft zijn ware actualiteit, ook thans.

ВОПРОСЫ:

1. По случаю какой годовщины написана эта статья?
2. В начале статьи автор утверждает, что Толстой для Западной Европы был воплощением определенного мировоззрения. Какого?
3. Что имеет в виду Тер Браак, говоря, что «в наше время пророком называют скорее Достоевского»?
4. Как смотрит автор на борьбу между естественными чувствами и догматизмом у Льва Толстого? Как это согласуется с его собственным мировоззрением?
5. Что он больше ценит в феномене Толстого — его учение или написанные им книги?

ГЛАВА 6

**ВИЛЛЕМ ЭЛСХОТ
WILLEM ELSSCHOT
(1882–1960)**

Культура фламандцев — не литературоцентричная. В той части Бельгии, где говорят по-нидерландски, даже к собственным писателям общественный интерес невелик, особенно к тем, которые уже ушли из жизни и больше не могут быть ньюсмейкерами. Ничего похожего на культ отечественных классиков во Фландрии нет. Однако к 50-летию со дня смерти Виллема Элсхота (1882–1960) в его родном Антверпене, на внешней стене главной библиотеки полумиллионного города, появилась огромная фреска с изображением писателя в виде одного из его персонажей, а около мест, упоминаемых в его последней повести, были вмонтированы в тротуар плиты с цитатами из нее! Не говоря уже о поставленном еще раньше большим бронзовом памятнике. И это при том, что все полное собрание сочинений Элсхота по объему меньше романа «Братья Карамазовы»...

Виллем Элсхот (настоящее имя — Альфонс де Риддер) родился в Антверпене, в многодетной семье булочника. Среднее

*Фреска с изображением
Элсхота-Лаарманса на стене
дома в Антверпене*